

Корсак Алеся

Полоцкий государственный университет, Полоцк, Беларусь

ВОИНСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ СОВЕТСКИХ СОЛДАТ И ПАРТИЗАН 1941 – 1945 ГГ. НА ТЕРРИТОРИИ КОРМЯНСКОГО РАЙОНА ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

На основе документов ЦАМО Российской Федерации, Национального архива Республики Беларусь, Государственного архива Гомельской области и Государственного архива общественных объединений Гомельской области раскрыта проблема воинских захоронений солдат Красной армии и партизан периода 1941 – 1945 гг. и связанная с ними политика сохранения памяти на примере Кормянского района Гомельской области.

***Ключевые слова:** воинское захоронение, братская могила, Великая Отечественная война, Кормянский район, Гомельская область*

Воинские захоронения солдат Красной (Советской) армии и партизан в советский период времени и уже на протяжении почти тридцати лет независимости Республики Беларусь всегда находились в центре внимания руководящих властей и общественных организаций. В юбилейный год празднования 75-летия Победы над нацистской

Германией эта тема приобретает новый всплеск интереса к исследованию данной проблемы.

Кормянский район Гомельской области не является каким-то особым случаем в проведении политики увековечения памяти погибших воинов Красной армии и партизан в советский период времени. Для исследования он выбран по причине того, что благодаря ответственному ведению документации районного руководства начиная с 1944 г. в Государственном архиве Гомельской области (далее – ГАГО) и Государственном архиве общественных объединений Гомельской области (далее ГАООГО) сохранился пласт архивных материалов, который позволяет исследователю в полной мере раскрыть весь процесс первичного учёта, перезахоронения и укрупнения воинских захоронений, происходящий в советский период времени. Кроме того, территория района за свою послевоенную историю практически не претерпевала административно-территориальных изменения, если это и происходило, то на незначительный промежуток времени.

Следует отметить, в какой-то мере специфику Кормянского района в частности и Гомельской области в целом, которая заключается в том, что степень ответственности за воинские захоронения районных военных комиссариатов была несколько выше, чем даже у руководства районов. О чем свидетельствует значительное количество распорядительных и отчетных документов непосредственно по районному и областному военным комиссариатам.

Не будем заострять внимание на общеизвестных фактах – различного рода постановлениях и решениях союзного и республиканского уровней, об этом написано значительное количество статей, в том числе и автора данной публикации [1; 2]. Многие из них опубликованы в сборнике документов под редакцией В.И. Адамушко 2008 г. [3].

В выше указанных работах основной акцент делался на количественных показателях воинских захоронений (сколько учтено, сколько перезахоронено и т.д.), а вот внимание на качественное изменение в процессе решения вопросов об укрупнении могил путем переноса индивидуальных и немногочисленных братских могил практически не обращалось. В данном случае под качественными изменениями автор понимает соотношение между количеством перезахороненных и увековеченных символически воинов Красной (Советской) армии и партизан, а также правильность (или ошибочность) написания личных данных в соотношении с первичным местом захоронения.

Итак, немного статистики. В отчетных документах послевоенного периода представлены в основном данные по количеству воин-

ских захоронений, взятых на учет и поставленных памятников в ходе благоустройства могил [4, ЛЛ. 1, 17, 26, 76, 112, 129]. Только в 1950 г. во исполнение директивы Министра ВС СССР № 3т-20 от 3 февраля 1950 г. и директивы Штаба БВО № ОУ/2/0410 от 7 февраля 1950 г. Кормянский РВК отчитался перед Гомельским Областным военным комиссариатом о количестве «военных кладбищ, братских и индивидуальных могил, количестве захороненных в них по Кормянскому району по состоянию на 1 апреля 1950 г.» [5, Л.27], где впервые с момента проведения политики увековечения были поданы данные о захороненных. Кроме того, дополнением к данному документу являлась схема с нанесением захоронений и указанием их принадлежности (могилы военнослужащих или партизан) [5, Л. 25]. Правда, следует оговориться, в распоряжении и.о. Гомельского облвоенкома, подполковника Кириллова акцентировано внимание на факт того, что «схема расположения могил представленная – скопирована и не соответствует действительности» [5, Л. 69]. Тем не менее для исследователя она представляет интерес.

Согласно данным от 01.04.1950 г. в 81-ом захоронении числилось 708 человек, из них 68 офицеров, 464 рядового и сержантского состава, в 173 случаях звание не установлено, и 3 партизана [5, Л.27]. Гомельский областной военный комиссариат 11 июня этого же года решил провести проверку «о благополучии благоустройства могил», по итогам которой выяснилось, что в трёх сельских советах находятся в самом худшем состоянии: «... места в этих с/советах пришлось устанавливать опросом местного населения, изгородей нет, надмогильные холмики стерты с лица земли, вместо трёх братских могил, расположенных на территории райбольницы обнаружено 5 могил, среди которых образована помойная яма, 2 могилы расположены на поле д. Сырск запаханы тракторами и сейчас восстановить место их невозможно», кроме того не было учтено место расстрела немцами 300 советских военнопленных [5, Л.69 – 70].

Ответной реакцией на выше указанное резкое заявление стало донесение № 0240 за подписью и.о. Кормянского райвоенкома, капитана Курапова, где на все замечания дано объяснение [5, ЛЛ.71 – 73]. Но дело даже не в этом. А в том, что факт о наличии места расстрела 300 военнопленных в ходе разбирательств не подтверждён. Но и это не главное. Оказывается, «на этом месте... были расстреляны гражданские лица и исключительно евреи... на этом месте в 1948 г. согласно показаниям г-ки Ефименко производились раскопки, где были обнаружены женские гребенки и другие предметы женского обихода» [5, Л. 73]. И вопрос состоит в другом, что после выявления данного

захоронения оно не было поставлено на учёт! Это говорит о том, что места массового уничтожения мирного населения (не зависимо от национальности) не были в приоритете у местных органов власти, несмотря на то, что с 1948 г. в документах фиксируются помимо воинских кладбищ, братских и индивидуальных могил военнослужащих и партизан и захоронения мирных жителей. В данном случае оно было – сознательно или нет – проигнорировано. Тем не менее в отчётности 1950-ых гг. данное место не числится. По разным данным в 1966 г. [6, с. 218] или в 1975 г. [7, с. 369] на могиле жертв поставлен обелиск, в 2000-е годы осуществлена паспортизация (№ 6817). Стоит отметить, что количество увековеченных имён по данным 1950 г. [5, ЛЛ. 69 – 70], 1985 г. [6, с. 218] и 2014 г. [8] резко различается, соответственно в 300, 1 500 и 321 человек, что требует дополнительного исследования.

Следует отметить, что в принципе категория «мирное население» как объект политики увековечения в документообороте властей Гомельской области появляется лишь в 1959 г. в названии решения № 280 Исполнительного комитета Гомельского областного Совета депутатов трудящихся «О благоустройстве мест захоронения воинов Советской Армии, партизан и **мирного населения**, погибших в 1941 – 1945 гг. ...» [9, ЛЛ. 97 – 98].

В 1956 г. согласно докладной записке Гомельского облисполкома к 1 ноября этого же года закончены работы по перезахоронению и сооружению памятников во всех районах Гомельщины [10, Л. 293], но документ не содержит данных по количеству перезахороненных человек. Как правило, процесс укрупнения могил сопровождается актами по эксгумации останков, их идентификации и последующем перезахоронении. Возможно, они были составлены и тогда. Но, к сожалению, срок хранения актов – 5 лет, по истечении которого они уничтожаются. В архивах Гомельской области таковых выявлено не было.

По опубликованным данным **1985 г.** на территории Кормянского района зафиксировано 22 воинских захоронения воинов Красной (Советской) армии, партизан и мирного населения, в которых увековечены имена 2 579 человек [6], в основном советские солдаты и партизаны. Место массового захоронения, связанное с жертвами геноцида еврейского населения, – одно, о котором речь шла выше.

В **2014 г.** на момент выхода Каталога воинских захоронений по Гомельской области на территории Кормянского района было зафиксировано 36 захоронений периода Великой Отечественной войны, в которых числится **1 897 человек** (из них известных – 1 838, неизвестных – 59) [8].

По состоянию на **30 сентября 2019 г.** согласно данным Управления по увековечению в Кормянском районе паспортизировано 39 воинских захоронений и захоронений жертв Великой Отечественной войны, в которых увековечены имена (известные и неизвестные) **2 198 человек**, из них военнослужащих – 1847, участников сопротивления (партизан и подпольщиков – А.К.) – 26, жертв войны – 325, военнопленных не зафиксировано [11].

Эти статистические данные – итог реализации двух Государственных программ [12, 13], направленных на сохранение памяти погибших на территории Беларуси, включительно и события Второй мировой войны.

На примере воинского захоронения в д. Лубянка Кормянского района посмотрим на качественный показатель исполнения выше указанных правительственных программ.

Итак, в братской могиле № 3741 числится по разным данным: 1985 г. – 12 чел. [6, с. 223], 2003 г. – 16 чел. [7, с. 239], 2014 г. – 16 чел. [8], 2020 г. – 33 чел. [14]. До начала второй государственной программы 2014 – 2020 гг. количество увековеченных имен не имела принципиальной разницы. Данные обновлённого паспорта указывают на увеличение цифры в два раза. Это говорит, в первую очередь, о том, что работа рабочими группами при местных органах власти по верификации данных осуществлялась. Сейчас посмотрим на сколько эта работа проведена качественно.

Итак, из 33 человек четыре человека – рядовые И.А. Ашаров и А.Х. Биксалиев и мл. сержанты А.Т. Уткин и И.М. Чичин – являлись военнослужащими 121 гв сд, остальные 29 человек участвовали в военных действиях осенью 1943 г. в составе 5 сд. Обе воинские части в интересующий период времени находились в составе вышестоящих воинских частей в подчинении 3-й Армии под командованием генерал-лейтенанта А.В. Горбатова.

Первичное место захоронения по данным донесения о безвозвратных потерях 5 сд от 22 декабря 1943 г. (соответственно у 29 человек) одно на всех – д. Лубянка Кормянского района Гомельской области, где зафиксировано две братские могилы (в БМ № 1 – 22 человек, в БМ № 2 – 7 человек) [15].

В донесении 121 гв сд от 16 декабря 1943 г. у И.М. Чичина, А.Т. Уткина, А.Х. Биксалиева первичное место захоронения указано «д. Мурашки Кормянского р-на Гомельской обл.», в случае с И.А. Ашаровым указано иное место захоронения – «пос. Нов. Белев Кормянского р-на Гомельской обл.» [16].

Для того чтобы детально разобраться, почему выше указанные четыре человека оказались в воинском захоронении № 3741, обратимся непосредственно к документам воинских частей, где все воины Красной армии принимали непосредственное участие в освобождении территории Гомельщины осенью 1943 г.

Благодаря выкладке документов Центральным архивом Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО) имеем возможность привлечь к разбору сложившейся ситуации ряд источников. В данном случае использовались журналы боевых действий 5 сд [17, ЛЛ. 18 – 20] и 121 гв сд [18, ЛЛ. 28 – 29]. В принципе этого достаточно, т.к. довольно подробно интересующие нас даты были расписаны.

Исходя из того, что 29 человек, имеющих одно и тоже первичное место захоронения, погибли 29 ноября 1943 г., а И.А. Ашаров – 30 ноября 1943 г. и остальные три человека – 27 ноября 1943 г., нами были детально изучены данные дислокации, передвижения, участия в боевых действиях и потери личного состава за временной промежуток с 27 по 30 ноября 1943 г. соответствующих воинских частей используя картографический метод.

Согласно данным журнала боевых действий «27.11.1943 г. 121 гв сд временно перешла к упорной обороне на прежнем рубеже (Каменка, Большие Барсуки, Новоселки, Добрыч – А.К.)», «в течении дня (27.11.1943 г. – А.К.) части дивизии отбивали контратаки противника, приводили себя в порядок, пополнялись боеприпасами», и самое главное – «наши потери за 27.11.1943 г. убито 26 человек, ранено – 83» [18, ЛЛ. 28 – 29]. 30 ноября 1943 г. 121 гв сд также находилась в положении временной обороны, т.е. дислокация воинских частей осталась прежней [18, Л. 30]. Под рубеж обороны при нанесении на карту попадали и д. Мурашки и д. Новый Белев.

Далее, обратимся к записи журнала боевых действий 5 сд за 27 – 30 ноября 1943 г., в частности к месторасположению 190 сп, к которому принадлежали все 29 человек: «... к 23 00 27.11.1943 г. сосредоточились на исходном положении для наступления. 190 сп – Мурашки и лес восточнее и юго-восточнее... части дивизии, ломая упорное сопротивление противника и, отбивая его контратаки, при поддержке танков и самоходных пушек...», «28.11. в результате наступательных действий 190 сп вышел на рубеж – западная опушка леса, что западнее пос. Григорьевка». Общие потери 5 сд «за 28.11. – 28 человек убитыми», «за 29.11. – 5 человек убитыми». В период с 29 по 30 ноября части 5 сд вели разведку и огонь по обороне противника [17, ЛЛ. 18 – 20].

Исходя из данных журнала боевых действий 5 сд, ясно одно, что противник занял оборону и периодически вёл сильный ракетно-пулемётный, минометный и артиллерийский огонь из районов Задубье – Ильич – Лубянка, в ходе ликвидации противника в данных направлениях действовали сообща и 5 сд, и 12 гв сд. Что не совсем даёт нам ясности в нашем вопросе.

Как правило, похоронные команды соответствующих стрелковых полков производили свои захоронения независимо друг от друга.

В таком случае более внимательно проанализируем донесения с именными списками погибших. Что касается 5 сд, то там всё предельно ясно – 29 человек погибли 29 ноября 1943 г. (несмотря на то, что в журнале указано о том, что большие потери приходятся на 28 ноября 1943 г., разбежка в один день допустима – не забываем про условия, в которых велся учёт!) и захоронены в двух братских могилах в д. Лубянка [15]. Даты захоронения не имеется, но явно, что это происходило уже после того, как прошли бои.

Так, в донесении 121 гв сд наблюдается следующая картина. Вместе с И.А. Ашаровым ещё у четырех человек первичным местом захоронения является пос. Новый Белев [16]. Таким образом, все они по логике тех людей, которые осуществляли верификацию воинского захоронения, должны быть увековечены вместе со своими товарищами. Но однополчане И.А. Ашарова, имеющие одно и тоже место захоронения с ним, на данный момент увековечены в БМ № 3745 в д. Барсуки Кормянского р-на [19, с. 215 - 217], куда в 1950-е гг. были перезахоронены из д. Новый Белев. Соответственно останки И.А. Ашарова маловероятно, что находятся в воинском захоронении в д. Лубянка.

Более запутанная история у интересующих нас фамилий И.М. Чичина, А.Т. Уткина и А.Х. Биксалиева. Первичное место захоронение д. Мурашки указано ещё у четырёх человек и это только на одном и том же листе донесения. На данный момент д. Мурашки известна как д. Яновка Каменского с/с, где захоронения не фиксируется, значит оно было перенесено в процессе укрупнения захоронений. Согласно информации, представленной в докладе от 1 августа 1951 г., в д. Яновка имелась одна братская могила, расположенная на западной окраине пос. Мурашки (не огорожена, памятник и надмогильный холмик отсутствует) [20, Л. 58]. Предложено: «произвести перезахоронения всех братских могил (дд. Березовка, Кучин, Каменка, Яновка и Лебедевка – А.К.) в одну братскую могилу в д. Каменка, поставить памятник и изгородь на кирпичных столбах до 1 августа 1951 г.» [20, Л. 58]. На данный момент в д. Каменка паспортизирована БМ № 3739, но фамилий сотоварищей И.М. Чичина, А.Т. Уткина и А.Х. Биксалие-

ва не имеется в списках увековеченных. Более того, Ф.И. Тараскин и Г.Х. Гарбузов ошибочно увековечены в БМ № 3734 в д. Струмень Кормянского р-на [21], по причине ошибочного прочтения первичных мест захоронения – вместо д. Мурашки была зафиксирована д. Машки этого же района, откуда останки воинов Красной армии были перенесены в д. Струмень.

Таким образом, на основе широкого круга источников вроде бы разобрались в запутанной истории воинских захоронений.

Но все-таки, почему фамилии И.М. Чичина, А.Т. Уткина, А.Х. Биксалиева и И.А. Ашарова оказались в данной могиле д. Лубянки? Помимо ОБД «Мемориал» выкладка документов и в базе данных «Память народа», где имеются документы и по персоналиям. Так, в донесениях военных комиссариатов за 1952 г. у всех четырех человек указана д. Лубянка Кормянского р-на Гомельской области [22; 23].

Принимая во внимание выше приведённые доводы, на наш взгляд, первичное место захоронения в документах первых послевоенных лет (даты размыты) указано, вероятно, ошибочно.

Подводя итог, можно говорить о том, что работа в рамках Государственной программы 2014 – 2020 гг. по верификации воинских захоронений в частности БМ № 3741 проведена на достаточно хорошем уровне.

В то же самое время хочется отметить допускаемые ошибки ответственными за верификацию личных данных увековеченных имен солдат Красной (Советской) армии и партизан в целом. Многие оперируют документами послевоенного времени, в которых имеется значительное количество допущенных по разным причинам ошибок, кочующих далее из старого паспорта в новый. Сейчас есть доступ к первичным документам, которые также не лишены ошибок, но они по отношению к документации 1950-х – 1980-х гг. и более позднего периода не носят принципиальный характер.

1. Корсак А.И. Учет и перезахоронение воинских захоронений и мест массового уничтожения мирного населения периода 1941–1944 гг. на территории Гомельской области в 1944–2000-ых гг. / А.И. Корсак // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Гуманитарные науки. – 2020. – № 4 (121). – С. 31 – 37.

2. Корсак, А.И. Воинские захоронения на территории Гомельской области 1944 – 2014 годов: к вопросу об увековечении памяти погибших на начальном этапе военных действий на территории Беларуси / А.И. Корсак // История международных отношений: историографические достижения и перспективы изучения: к 110-летию со дня рождения А.А. Громыко и 80-летию начала Второй мировой войны: сборник научных статей / Гомельский гос. ун-т Ф. Скорины; Российский центр науки и культуры в Гомеле; редкол.: Н.Н. Мезга (гл. ред.) [и др.]. – Гомель:

ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – С. 120 – 126.

3. Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси, 1941 – 2008 гг. Документы и материалы / ред. Кол. В.И. Адамушко и др. – Минск: НАРБ, 2008.

4. ГАГО. – Ф. 2789. – Оп. 2. – Д. 54.

5. ГАГО. – Ф. 2789. – Оп. 2. – Д. 61.

6. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гомельская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; Рэд. Кал.: С.В. Марцэлеў (гал. Рэд.) і інш. – Мн.: Беларус. Сав. Энциклапедыя, 1985. – 383 с.

7. Памяць: Кармян. р-н: Гіст. - дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / [Рэд.кал.: М.Я.Дзяткоў і інш. – Мн.: Беларусь, 2003. – 461 с.

8. Каталог воинских захоронений на территории Беларуси. Гомельская область. – Минск, «Рекхауз», 2014.

9. ГАГО. – Ф. 1174. – Оп. 7. – Д. 261.

10. НАРБ. – Ф. 7. – Оп. 4. – Д. 3194.

11. Автоматизированный банк данных «Книга памяти» Республики Беларусь Статистическая информация. Гомельская область. Беларусь. По состоянию на 30.09.2019 г. // Управление по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн Вооруженных Сил Республики Беларусь.

12. Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 1772 от 3 декабря 2010 г. «Об утверждении Государственной программы по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн на 2011 – 2014 гг.» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belzakon.nett>. – Дата доступа: 12.11.2020.

13. Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 534 от 4 июня 2014 г. «Об утверждении Государственной программы на 2015 – 2020 годы по увековечению погибших при защите Отечества и сохранению памяти о жертвах войн» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.by>. – Дата доступа: 12.11.2020.

14. Паспорт воинского захоронения № 3741 д. Лубянка Кормянский р-он Гомельская область по состоянию на 12.11.2020 г. // Управление по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн Вооруженных Сил Республики Беларусь.

15. Донесение о безвозвратных потерях по 5 сд от 22 декабря 1943 г. // ЦАМО. – Ф. 58. – Оп. 18001. – Д. 1170 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru>. – Дата доступа: 11.11.2020.

16. Донесение о безвозвратных потерях по 121 гв сд от 16 декабря 1943 г. // ЦАМО. – Ф. 58. – Оп. 18001. – Д. 1200 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru>. – Дата доступа: 11.11.2020.

17. Журнал боевых действий 5 сд за период с 26.08.1943 г. По 26.12.1943 г. // ЦАМО. – Ф. 1053. – Оп. 1. – Д. 20 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pamyat-naroda.ru>. – Дата доступа: 11.11.2020.

18. Журнал боевых действий 121 гв. сд за период с 31.08.1943 г. по 31.12.1943 г. // ЦАМО. – Ф. 1332. – Оп. 1. – Д. 58. – Л. 28 – 29 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pamyat-naroda.ru>. – Дата доступа: 11.11.2020.

19. Паспорт воинского захоронения № 3745 д. Барсуки Кормянский р-он Гомельская область по состоянию на 12.11.2020 г. // Управление по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн Вооруженных Сил Республики Беларусь.

20. ГАООГО. – Ф. 144. – Оп.42. – Д. 106.

21. Паспорт воинского захоронения № 3734 д. Струмень Кормянский р-он Гомельская область по состоянию на 12.11.2020 г. // Управление по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн Вооруженных Сил Республики Беларусь.

22. Донесение о безвозвратных потерях 13 Армии от буквы Н – Я // ЦАМО. – Ф. 58. – Оп. 977525. – Д. 204 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pamyat-naroda.ru>. – Дата доступа: 11.11.2020.

23. Донесение о безвозвратных потерях 13 Армии от буквы А – М // ЦАМО. – Ф. 58. – Оп. 977525. – Д. 268 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pamyat-naroda.ru>. – Дата доступа: 11.11.2020.

MILITARY BURIALS OF SOVIET SOLDIERS AND PARTISAN 1941-1945 IN THE TERRITORY OF THE KORMYANSKY DISTRICT OF THE GOMEL REGION

Alesia Korsak

Polotsk State University, Polotsk, Belarus, a.korsak@psu.by

Based on the documents of the CAMO of the Russian Federation, the National Archive of the Republic of Belarus, the State Archive of the Gomel region and the State Archive of Public Associations of the Gomel region, the problem of military burials of soldiers of the Red Army and partisans of the period 1941 – 1945 and the associated policy of memory preservation on the example of Kormyansky district of the Gomel region was revealed.

Keywords: military burial, mass grave, Great Patriotic War, Kormyan region, Gomel region